

1го июня 1915. № 113.

Один из Петипа.

В воскресенье в матаховском театре я видел Н. М. Радина в роли мольеровского «Донь-Жуана».

Я получил удовольствие от его очень хорошей игры, но в этом удовольствии были и другие привлекающие элементы:

Этот артист так ярко, так живо возвратил меня и к моей земной юности, и к переливающей множественности приток (как у всех) молодости.

Юность и молодость вспоминаются потому, что, глядя на г. Радина, я невольно «в» его чертах ищу черты юные.

Г. Радин — сын Мариуса Мариусовича Петипа, яркого, блестящего, стильного и, как недавно говорили, своеобразного; г. Радин — представитель обыкновенного семейства Петипа, в котором дарование не жаждет знать происхождения.

Существует, взирая, по которому талант, зарождающийся в первом поколении, во втором достигает своего расцвета, и в третьем умирает, сходный на-ить.

Многочисленная семья Петипа — яркое этому опровержение.

Россия познакомилась еще с предком г. Радина, балетмейстером Жаком Петипа, прибывшим плыть Россию из Марсели.

Тот Петипа родился в 80-х годах XVIII столетия.

Может быть, и у него уже были талантливые предки, но об этом мы не знаем.

Как Петипа дал миру двух балетмейстеров: одного — Люсьена Петипа, оставшегося в Париже, другого — Мариуса, знаменитого Мариуса Ивановича, столько десятилетий, до Маусанлова возраста, усаждавшего тогда Петербург, плыть Петроград.

Но мы напоминаем балетоманам о его зятке, Марии Сергеевне, талантливой и петербургской, и парижанке! — ту Петипа, ту «Гурию рябу», которой посвятил столько восторженных строк Некрасов, несмотря на то, что ему казалось таким неприличным посвящать строки балерин в то время, когда муза требовала писать только о мужиках.

Но надо напоминать и о другой Марии Петипа, дочери первой, которая и до сих пор блещет своим талантом.

С ее братом, Мариусом Мариусовичем, дарование переходит из области Терпсихоры в область Мельмены.

В истории русского театра вряд ли найдется подвеса таких же репретов (тогда иначе не называли), как у Мариуса Мариусовича Петипа, и донья молодой, и донья

сильный и блестящий. Вот этого-то артиста, своего прекрасного отца, не отразимо напоминает характером своего дарования г. Радин. Напоминает, оставаясь в то же время самим собою.

Для меня это одно из лучших театральных воспоминаний.

Как русский, я тяготю в артист к глубини переживаний, к полной простоте, отсутствию всякого вышнего эффекта, но это не мешает мне понимать и любить стиль, и Мариуса Мариусовича Петипа я люблю, как великолепный экземпляр артиста, в котором ярко выражена пылкая галльская кровь, несколько вышних, но благородный и красивый темперамент француза.

Есть целый ряд ролей, в которых послы М. М. Петипа на русской сцене нельзя смотреть никого. Такова, между прочим, роль маркиза де-Тремуль в «Граф де-Ризор», таков его Донь-Сезарь де-Базан в «Рюи Блаз», и много других таких же ролей имется в репертуаре этого артиста.

Кто видел, как его маркиз де-Тремуль играл на сцене в бильбоке, лоя шарик не в чашечку, а на острее палочки, и как он так же беззаботно-красиво, как в бильбоке, играл своей жизнью, — тот никогда не забудет этого.

Талант М. М. Петипа подчас проявлялся в таких неожиданных положениях, что оставалось разводить руками.

В провинции в свой бенефис он взял только что появившуюся тогда зудермановскую «Родину». И, блестящий, неотразимый, стройный, как тополь, фат, играл в ней... старика, полковника Шварце. Да, ведь, как играл!

Мой сосед по креслу, опоздавший к первому выходу бенефицианта и не видевший оаций, после третьего акта обратился ко мне с вопросом:

— Когда же появится, наконец, Петипа?

А он был театралом и знал Петипа, «как свои пять пальцев».

Но его невозможно было узнать в этом старом солдате, таком старом, таком сильном и разбитом в одно и то же время.

После Шварце-Петипа мы уже не интересовались смотреть Шварце-Горев.

И помню другой случай. В Москве в свой бенефис г. Южин поставил «Бориса» Модеста Чайковского. В провинции в то время пьесы разучивались с головокружительной быстротой, и М. М. Петипа, тогда в Харькове, анонсировал ту же пьесу своим бенефисом, еще не читая ее, исходя из того соображения, что если роль взял г. Южин, то роль эта тероническая.

Прибыла пьеса, а М. М. Петипа приехал в театр:

Прибыла пьеса, а М. М. Петипа приехал в театр:

— Переменить пьесу!

— ???!!!

Роль старика, старика-русака, любящего говорить, что он простак и все делает по-простому.

— Переменить пьесу!

Как переменить, когда на бенефис уже раскуплены все билеты!.. Пришлось смириться, и многие в труппе похлопывали:

— Как-то Мариус выпутается из этого затруднения?

А Мариус Мариусович так выпутался, что роль в «Ворцах» — коронная в его репертуаре.

Полное перевоплощение, несмотря на необычайно яркую индивидуальность артиста.

Есть еще целый ряд артистов Петипа, все талантливые. И брат М. М., и его трое детей...

Но в Н. М. Радине, как ни в ком, живет и светит талант его отца.

Мы почти не приходим до сих пор писать о нем, потому что играл он в Москве почти все время в театре Корна, а ходил к Корну, — не к тому, кем он был, а к тому, кем он стал, — удовольствие не из больших.

Но в последний год мы приходим любоваться им в театре Сухомельского, видеть эту старую, высокую породу, этот прекрасный наследственный талант.

И в воскресенье я отправился смотреть его с особенным чувством, так как видел много раз в этой роли его отца.

Г. Радин не повторил его. То-есть в его игре не было ничего сознательно подражательного, скопированного, но это было то самое прекрасное вино.

Пожалуй, у г. Радина в «Донь-Жуане» еще нет окончательного блеска отблески, — того блеска, который дается десятками и десятками повторений роли. Он еще не скользит в этой роли с той беззаботной уверенностью, порхающей легкостью, как это дблал и дблает теперь его отец, но эта шлифовка придет, несомненно, а игра его и теперь оставляет полное удовлетворение.

Да, «Флоридор есть Селестень, и Селестень есть Флоридор», и г. Радин есть г. Петипа.

Я смотрел на лицо, на выражение глаз, на эти красивые, изящные руки и говорить:

— Здравствуйте, Мариус Мариусович, давно мы с вами не виделись.

СЕРГЕЙ ЯБЛОНОВСКИЙ.